

# ЭПОХА КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ Э. ЛАВИССА И А. РАМБО

## ГЛАВА 1. ФЕОДАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК — ОТ ЕГО ВОЗНИКНОВЕНИЯ ДО КОНЦА XIII В.

В странах, составлявших империю Карла Великого, произошел в течение X в. глубокий переворот, подробности которого нам неизвестны из-за отсутствия документальных данных. Когда мрак начинает проясняться — около конца XI столетия, — общество и государство оказываются преобразованными. Эту-то новую организацию историки и назвали *феодальным порядком*. Она возникла в тот темный период, который следовал за распадом Каролингской монархии, и сложилась медленно, без вмешательства государственной власти, без помощи писаного закона, без какого бы то ни было общего соглашения между частными людьми, — исключительно вследствие постепенного преобразования обычаев, которое произошло, хотя с некоторой разницей во времени, но почти одинаковым образом, во Франции, в Италии, христианской Испании и Германии. Позже она была перенесена в Англию и Южную Италию — в конце XI в., в латинские государства Востока — в XII и XIII вв. и в скандинавские страны — в конце XIV столетия.

Эта система, образовавшаяся, так сказать, путем естественного роста, без всякого общего плана, никогда не была единообразна и никогда не функционировала вполне правильно. Ее невозможно резюмировать в совершенно точной таблице, ни один из обычаев этого времени не укладывается в формулу, которая была бы строго верна, о ней нельзя высказать ни одного общего положения, которому не противоречило бы множество частных случаев. Поэтому еще ни один ученый не отважился выступить с общим сочинением о феодальном порядке. Единственное, на что может в настоящее время решиться ученый, это попытаться собрать те особенности общественного строя и обычаев, которые были наиболее распространены в феодальных государствах в период X—XIII вв.

Во всей империи Карла Великого господствовали над обществом и созидали его следующие три фактора: крупное землевладение, обязанность светских собственников вооружаться и вести войну за свой счет и положение духовенства, как собственника.

Общество разделилось на два класса: на массу крестьян, водворенных в крупных поместьях, и на землевладельческую аристократию, состоявшую из

двух групп: из военных людей и людей церкви<sup>1</sup>.

## Крестьяне

**Крупные поместья.** Начиная с IX в. в Каролингской империи более не остается мелких собственников, которые сами обрабатывали бы свою землю, исключая, может быть, городские округа юга и отдаленные области, лежавшие в высоких горах или на берегу моря. Почти вся земля принадлежит крупным собственникам, которые сами не работают. Так как она представляет небольшую ценность, то она разделена на поместья, по объему превосходящие все, что мы теперь называем крупной собственностью; их можно сравнить только с вотчинами русских помещиков до уничтожения крепостного права или с плантациями Соединенных Штатов в эпоху невольничества. <...>

В каждом поместье земля была разделена на две части различной величины. Меньшая часть (обычно земля, смежная с господским домом) составляла запас, который собственник удерживал за собой, чтобы эксплуатировать ее непосредственно и в свою пользу; это была *господская земля* (*indominicata*). Все, что она производила, принадлежало собственнику. На ней находился господский дом, в котором жил или сам владелец, или, по крайней мере, его приказчик.

Остальная часть поместья была распределена между известным количеством крестьянских семейств, водворенных в поместье. Они жили обычно в избах, скученных возле господского дома наподобие деревни. Каждая семья обрабатывала из рода в род один и тот же участок земли, состоявший из нескольких клочков, разбросанных по всему поместью. Урожай принадлежал крестьянам, но взамен они обязаны были платить оброк и оказывать услуги собственнику и жили в зависимости от него.

Размеры оброка и услуг были разнообразны до бесконечности, смотря по договорам, заключенным вначале, или по местным обычаям; никакой закон не определял ни размера повинностей, которые собственник мог налагать на своих крестьян, ни количества земли, которое он обязан был дать им. Но чрезвычайно однообразные условия жизни привели к установлению почти везде весьма сходных порядков. <...>

В основных чертах эта организация установилась в X в. Она оказывается вполне сложившейся в документах конца XI столетия и до XIV почти не изменяется. Поэтому можно попытаться дать понятие о положении крестьян в этот период.

---

<sup>1</sup> Жители городов (*bourgeois*) составляют, начиная с конца XI в., особый класс, средний между крестьянством и знатью. Но города возникают уже после установления феодального порядка и даже содействуют его уничтожению, поэтому их можно оставить в стороне.

**Деревня.** Крупное поместье все еще господствует над всей жизнью крестьянина. Господский дом обратился в укрепленный дом, иногда в замок, с усадебной землей (полями, виноградниками, лугами, прудами, рощами), занимающей, по нашим представлениям, очень большое пространство. Вблизи сгруппированы жилища держателей, принадлежащие к двум различным типам: полный дом, построенный вокруг двора и прилегающий к саду, дом зажиточного крестьянина, обладающего запряжкой волов, и хижина, состоящая из одной постройки, где живет земледелец, не имеющий ничего другого, кроме своих рабочих рук. <...>

Территория деревни, за исключением запасной земли, разделена между крестьянами, которые передают свои участки от отца к сыну. Если в некоторых областях Германии и существовал в древности обычай время от времени соединять все земли и делить их заново между жителями, что еще вовсе не доказано, то в течение средних веков этот обычай исчез повсюду и держания из рода в род оставались в одних и тех же семьях.

Держание очень редко представляет цельный кусок земли в одной меже: обычно оно состоит из нескольких полос, разбросанных по различным частям территории и имеющих форму длинных узких лент... Раздробление часто восходило ко временам первоначального устройства поместья; оно соответствовало трехпольной системе, очень распространенной в IX и X столетиях (озимое, яровое и пар). С течением времени оно еще усиливалось, потому что держатель, по крайней мере во Франции, имел право подразделять свое держание, лишь бы только новые владельцы продолжали отбывать повинности. Число участков, как и число держателей, могло возрастать беспредельно, поскольку это допускали продовольственные силы территории. Как только переступали эту границу, голод или эпидемия восстанавливали равновесие между количеством населения и количеством припасов. В Германии держания часто становились неделимыми, и, начиная с XII в., здесь образовался класс зажиточных крестьян. <...>

Все сельское население обозначали одним названием: *rustici* (крестьяне), *vilains*, *Bauer* (хлебопашцы). Смысл, который придавали во Франции слову *vilain*, ясно показывает, что остальные классы общества не делали различия между крестьянами и всех их объединяло одно и то же чувство презрения. Между тем, этот низший класс представлял собой смесь людей, занимавших первоначально совершенно различные положения, и это различие оставило еще так много следов, что образовались две группы, обозначавшиеся во французских актах того времени двумя различными словами: рабы и свободные.

**Крепостные** (*serfs*) были потомками или, по крайней мере, преемниками древних римских рабов (*servi*). Но в течение веков их положение постепенно улучшилось. Господин был в то же время собственником: он видел в крепостном лишь сельскохозяйственное орудие и не требовал от него ничего, кроме извлечения выгоды из его поместья.

Сельских крепостных более не продавали; они могли вступать в брак и оставались бессменно в одном и том же поместье, начиная собой здесь поколения хлебопашцев. Каждая семья получала от господина дом и участок земли, которые и переходили из рода в род, так как господин отказывался от права взять их обратно. Крепостной сделался держателем. Тем самым, когда крепостные были переведены на роль хлебопашцев и когда господин перестал требовать от них личной службы<sup>1</sup>, рабство было превращено в крепостное состояние, тогда как, наоборот, в России XVIII в. помещики, отрывая своих крепостных от земли и обращая их в лакеев и горничных, вновь создали рабство, подобное античному.

Крепостной не получал своего держания как безвозмездный дар; собственник, оставшись его господином, требовал от него более тяжелых оброка и барщины, часто определяемых им по произволу. По меткому выражению того времени, крепостной был «*taillable et corvéable à merci*» (повинен оброком и барщиной по всей воле господина). Однако сила обычая в средние века была так велика, что часто он определял, в конце концов, даже размеры повинностей крепостных: собственник не мог требовать от них больше того, что они искони платили. Наоборот, не всегда нужно было быть крепостным, чтобы быть повинну оброком по всей воле господина.

По-видимому, специальными повинностями крепостного, характеризовавшими его положение, были в средние века те, которые свидетельствовали также и о его личной зависимости: *capitation* (подушная подать), *formariage* (плата за вступление в брак) и *main morte* («мертвая рука»).

*Capitation* есть подать с каждой головы, выплачиваемая обычно ежегодно; эту повинность господин наложил на своих крепостных в силу своего абсолютного права; она представляет собой пережиток рабства.

*Formariage* есть налог, уплачиваемый собственнику крепостным или крепостной при вступлении в брак с лицом, стоящим вне его власти. Если держатели одного и того же владельца вступают в брак между собой, то они не выходят из-под его зависимости и их брак для него безразличен; в этом случае только изредка устанавливается небольшая повинность. Но вступая в брак с чужаком, крепостная выходит из-под власти господина; понятно, что она может сделать это только с его согласия. *Formariage* и есть, по-видимому, цена, уплачиваемая господину с целью получить его согласие на брак.

*Main morte* есть право господина завладеть наследством своего крепостного в том случае, когда последний не оставляет после себя детей, живущих при нем. Крепостная семья владеет своим домом и полем только в

---

<sup>1</sup> Мы не хотим сказать, что в средние века не было рабов, исполнявших роль домашней прислуги, но их было очень мало, и здесь, где мы говорим о крепостных, нам нет надобности касаться положения челяди.

силу соизволения господина, единственного настоящего собственника. По установившемуся обычаю держание оставляют за семьей до тех пор, пока она живет вместе. Но раз семья вымерла или рассеялась, держание возвращается к собственнику, при этом он не обязан считаться с побочными родственниками или даже с детьми своего крепостного, живущими на стороне, потому что держание принадлежит ему. Если же он соглашается отдать его родственникам своего крепостного, то не иначе, как при условии довольно большого выкупа. Именно это право на выморочное имение и называется *main morte* (сам термин появляется в XI в.). Обычай или частные договоры устанавливали постоянный размер выкупа. Во многих германских странах (Англия, Германия, Фландрия) право господина сводилось к вычету из наследства какой-нибудь вещи или головы скота. <...>

Более характерна другая черта первоначального рабства, сохранившаяся в течение долгого времени. Крепостной, водворенный в поместье, не мог быть оторван от него своим господином; но и сам он, в свою очередь, не имел права покинуть поместье, чтобы поселиться где-нибудь на стороне. Уходя без разрешения, он причинял убыток господину, так как лишал его своих услуг; господин имел право преследовать беглеца и заставить его вернуться: это было **право преследования**.

Мы узнаем, что сеньоры принимают меры против этих побегов, вступая в соглашение с соседними владельцами и взаимно обязываясь возвращать друг другу своих беглых крепостных. Другие производят целые следствия, чтобы разыскать крепостных, которые стараются ускользнуть от них, либо скрывая свое звание, либо поселяясь на землях других сеньоров, либо вступая в духовное звание. Граф Фландрский, Карл, был убит в 1127 г. за то, что произвел следствие, при котором была скомпрометирована одна знатная фамилия, происшедшая от крепостного.

Это жестокое право преследования вскоре смягчается. Во Франции уже в XII столетии господствует обычай, по которому крепостной может уйти и поселиться на стороне, обычно при двух условиях: он должен торжественно предупредить об этом своего господина (отречься от него), и должен отказаться от всего имущества, которым владел в его поместьях.

Под разными названиями крепостное право существовало во всей Европе. По-видимому, крепостные составляли главную массу сельского населения со времен Карла Великого, и их потомки рождались крепостными. Само держание в конце концов усвоило все черты их крепостного положения и передавало последнее всякому, кто становился держателем; живя на крепостном держании, свободный человек обращался в крепостного; юристы называли это вещественным рабством.

**Отпущение на волю.** С другой стороны, и крепостной мог сделаться свободным человеком. Подобно античному рабу, он мог быть лично освобожден своим господином посредством символического обряда или письменного акта (хартии); в течение средних веков господствовала

исключительно вторая форма. Но отпущение на волю отдельных лиц становится все более и более редким: почти всегда господин освобождал сразу всех крепостных поместья, одним актом изменяя положение целой деревни или целого округа.

Понятно, что он поступал таким образом вовсе не из великодушия. Крепостные покупали свою свободу, сначала платили известную сумму, особенно в XII в., когда деньги стали не так редки, позже обязывались на вечные времена за себя и за своих потомков платить специальные повинности, которые напоминали бы об их прежнем положении.

Взамен этого господин отказывался от своего права взыскивать с них собственно рабские повинности, особенно *main morte*. Часто он также отказывался от произвольных обложений и обязывался впредь взимать только определенные повинности, но это не было непременно последствием освобождения. Положение вольноотпущенных зависело исключительно от условий, заключенных ими с собственником и точно обозначенных в письменном контракте (хартии). Во всяком случае, они оставались держателями поместья. А так как **единственным различием между держателем-крепостным и свободным держателем была разница в величине повинностей**, то их положение изменялось вовсе не так сильно, как можно было бы думать, судя по высокопарным выражениям некоторых хартий, превозносящих благотворное действие свободы. Иногда крепостные отказывались платить за это благо ту цену, которую требовали за него, и сам господин заставлял их покупать его.

**Свободные крестьяне.** В крупных поместьях, наряду с крепостными, искони жили и свободные люди...

Свободные, в противоположность крепостным, не были ничем обязаны господину; они зависели от него только как от собственника, потому что жили на его земле. Это были вечные фермеры или арендаторы. Их держание было отрезком большого поместья, который они обрабатывали при условии уплаты определенного тягла, сходного с нашей арендной платой, или известной части сбора, подобно нашим фермерам. **В противоположность фермеру или арендатору, их положение было утверждено навсегда: собственник не мог ни отнять у них землю, ни увеличить их повинности.** При условии уплаты исконной дани они могли свободно распоряжаться своим держанием, завещать его по своей воле, отчуждать и даже (по крайней мере, во Франции) делить на части.

Находившиеся в наиболее благоприятных условиях платили только определенную годовую сумму, *цenz*, или *цenzив* (оброк), размер которой был установлен в незапамятные времена и, вследствие обесценивания денег, сделался очень незначительным. Большая часть несла **различные повинности, иногда изменявшиеся, иногда даже произвольные, но сделавшиеся правильными в силу обычая.** <...>

Количественное отношение различных классов крестьян колебалось по

странам и временам. Вначале преобладали, по-видимому, крепостные, по крайней мере, на севере. Но их число постоянно уменьшалось. Крепостной класс был остатком античного рабства и германского крепостного состояния, прикрепленным к земле землей же; но он перестал пополняться, потому что людей более не обращали в рабство. Каждая освободительная хартия, выданная рабскому селению, сокращала территорию господства крепостного права, и затем эта территория уже более не увеличивалась, потому что свободная земля никогда не становилась опять рабской. В наиболее цивилизованных странах (в Италии, Южной Франции, Нормандии) с более быстрым процессом развития крепостное право прекратило свое существование в XII столетии; там оставались только свободные крестьяне.

**Сеньориальная эксплуатация.** Отличительной чертой средневекового крестьянина является его зависимость от собственника деревни, называемого по-латыни *dominus*, по-немецки — *Herr*, по-французски — *seigneur*. Этот собственник может быть крупным или мелким, рыцарем, графом или королем, воином, епископом, аббатом или женщиной, отношения между ним и крестьянами остаются те же. Они всегда основываются на праве сеньора требовать от своих крестьян оброка и услуг, взамен чего не имеет по отношению к ним никаких других обязанностей, кроме одной — оставлять в их владении свою землю. Это называлось эксплуатацией (само слово относится к тому времени).

Каким образом она установилась? Это один из самых спорных вопросов средневековой истории, и документы слишком малочисленны и плохо изучены, чтобы сделать возможным его решение. <...> Однако мрак, покрывающий зачатки этого строя, не мешает нам составить себе ясное понятие о нем, как он установился в XIII столетии. Некогда крестьяне умели отличать повинности, признанные законными, от взысканий незаконных, введенных путем насилия или обмана и носивших у них название «дурных пошлин» (*mauvaises coutumes*; это выражение встречается особенно часто в XI в.). С течением времени обычай узаконил «дурные пошлины» и закрепил все обязательства крестьян. Эти обязательства, называвшиеся позже неточно *феодальными правами* (потому что они не имеют ничего общего с *феодом*), мало различались от села к селу. <...> Но под этими различными именами скрывается во всей Европе один и тот же режим. Принимая во внимание исключительную форму, а не происхождение обязательств, их можно разделить на **платежи, повинности и барщину**.

**Платежи** взимаются или деньгами, или натурой, и уплачиваются или в определенные сроки, или при известных случаях.

Определенными денежными платежами являются, главным образом (исключая подушную подать крепостных), цена выкупа, оброк и бирочная подать.

**Оброк (cens)** есть денежная рента, уплачиваемая держателем за свое держание, род арендной платы, закрепленной древним обычаем. Если

держатель не вносит ее в установленный срок, то сеньор может отобрать у него держание или, по крайней мере, взыскать сумму с добавочным штрафом. В некоторых странах существовали также подати с дома или очага.

**Бирочная подать (taille, jûinquette) есть налог, взимаемый один или несколько раз в год с каждой семьи держателей.** Само слово «taille» (зарубка), не встречающееся ранее XI в., обозначает только надрез, который делали ножом на куске дерева (бирке) в момент уплаты этой подати. <...> Вначале бирочная подать была, по-видимому, произвольной (по воле господина, à merci<sup>1</sup>). Кажется, что крестьяне сильно стремились к тому, чтобы сделать ее неизменной; к концу XIII в. они почти повсюду достигли этого, часто путем покупки у сеньора «наемного» договора, по которому он обязывался взимать только определенную сумму<sup>2</sup>. <...>

**Выкупные платежи (taxes de rachat) представляют древние натуральные повинности, отменяемые по соглашению с сеньором.**

Подати натурой, вносимые в определенные сроки, состоят, главным образом, из части полевых продуктов, взимаемой после жатвы, как это практикуется еще и в настоящее время в тех странах, где существует аренда. Так, господин удерживает в свою пользу часть снопов хлеба, овса, сена, винограда, кур, воска<sup>3</sup>. Он взимает также налог деньгами или зерном за каждую голову скота (быка, барана, свиньи или козы).

Многие платежи связаны с известными актами, и мы видим, как увеличивается в течение средних веков число таких актов, подлежащих оплате; по крайней мере, их названия начинают встречаться только после X в. В XIII столетии мы находим в действии целую систему передаточных пошлин: так называемая lods (laudes) et ventes, пошлина, которую платит держатель при дарении или продаже своего держания для того, чтобы сеньор утвердил эту передачу, пошлина с наследства, не считая «мертвой руки» на наследство крепостных и выморочные имущества. Мы находим также группу пошлин за проезд, иногда очень древних: за проезд по дорогам, мостам, рекам, пристани и через ворота; группу торговых и промышленных пошлин: пошлины с продажи зерна, соли, мяса, товаров, с мясных лавок, рынков, ульев, ярмарок.

**Помещичьи права.** С обязательствами, налагаемыми сеньором, связана целая система повинностей, принимающих форму монополий. Это помещичьи права (banalites); в документах они появляются только после X в. Их название показывает, что они были установлены путем бана (ban), который обозначает право сеньора обнародовать свои постановления и

<sup>1</sup> То есть без всякого другого ограничения, кроме милосердия господина.

<sup>2</sup> Кроме обычной подати, господин взимает иногда чрезвычайный налог, именно в известных исключительных случаях, например при выдаче замуж дочери.

<sup>3</sup> Воск был нужен для выделки церковных свечей и печатей, которые привешивались к официальным документам. Поэтому ульи были в средние века гораздо более многочисленны, чем теперь.



требовать их исполнения под страхом штрафа; но происхождение этого права неясно и спорно<sup>1</sup>. Держатели обязаны молоть свое зерно на помещичьей мельнице, печь свой хлеб в помещичьей печи, давить свой виноград в помещичьей давильне и каждый раз обязаны платить известный сбор (обычно часть зерна, муки или винограда).

Сеньор требует со своих держателей платы за то, что позволяет им рубить деревья в его лесах или пасти скот на его пастбищах<sup>2</sup>, или ловить рыбу в его водах. (Что касается права охоты, то сеньор обычно удерживает его исключительно за собой.)

Сеньор делает также обязательным исключительное употребление своих весов и мер, и это опять повод к платежам.

Сеньор запрещает своим держателям продавать их зерно или вино в течение известного срока после сбора и в это время продает свои продукты без конкуренции. Все эти монополии более стеснительны для держателей, чем прибыльны для сеньора.

**Судебные пошлины** — это также оброки; это подати, взимаемые сеньором в силу принадлежащего ему права суда. Так именно смотрели на них и в средние века, потому что в актах, где перечисляются доходные угодья поместья, вслед за землями, виноградниками, лугами, лесами и мельницами фигурирует и *justice* (право суда). Почти во всех средневековых документах *justice* обозначает право взимать штрафы или доход со штрафов. <...>

В том виде, в каком мы встречаем его в XII в., право суда есть форма эксплуатации держателей сеньором (само слово «exploit» обозначает судебные формальности); говорят: «*taillables et justiciables*» или «*exploitables*» (подсудны). Суд, как и оброк, может быть произвольным или ограниченным, то есть размер штрафа может зависеть от воли сеньора или представлять определенную неизменную величину. В большинстве случаев такса штрафов сделалась постоянной. Обычай определил, в конце концов, известный штраф за каждый проступок. Часто также сеньор заключал с крестьянами контракт, которым определялась постоянная величина штрафов. Вот пример, относящийся к одной бельгийской деревне (Sirault), от 1239 г.; он показывает, с какой точностью предусматривались все случаи:

«За брань — 4 су, за бесчестие — 5 су. Кто ударит другого, платит 10 су, а если потечет кровь, то — 20. Кто извлечет отточенное оружие, но не ударит, платит 30 су. За удар палкой — 20 су, а до крови — 40. За удар отточенным оружием — 60 су».

<sup>1</sup> Наиболее спорный вопрос заключается в том, действовал ли сеньор в этих случаях по праву собственника или в силу какого-нибудь общественного права, законного (то есть утвержденного сувереном), либо присвоенного путем захвата.

<sup>2</sup> Ученые расходятся во взглядах, принадлежали ли леса и пастбища искони собственнику, который только уступал держателям пользование ими, или они раньше были общественной собственностью и впоследствии были захвачены сеньором.

По отношению к тяжким проступкам (убийству, поджогу, похищению и обычно также воровству) власть сеньора неограниченна. Наказание — смерть или изгнание, и сеньор конфискует все имущество осужденного. <...>

**Повинности.** Гораздо менее значительные, чем оброки, повинности — это неправильные поборы, взимаемые сеньором, иногда даже не известно, по какому праву.

Чаще всего встречается повинность постоя и прокорма, следуемая нередко какому-нибудь чужому сеньору — не владельцу данной деревни. Крестьяне обязаны принять сеньора, когда он приезжает в деревню, отвести помещения ему, его свите, его лошадям, собакам, соколам, дать обед его людям и накормить животных. Это разорительное обязательство мало-помалу урегулировалось. Обычай установил, как часто сеньор мог пользоваться правом постоя (обычно — три раза в год), сколько людей и животных он мог приводить с собой, какое количество блюд и хлеба он мог требовать. Позже эта повинность превратилась в годовой оброк.

Право *prise* есть право сеньора брать то, что ему нужно для дома, — провизию, вьючный скот, плуги, корм для животных, даже постели, — обычно за известное вознаграждение, произвольное или определенное.

Право *кредита* позволяет сеньору брать у купцов в кредит предметы, которые он спрашивает; срок кредита обычно ограничен.

**Барщина**, то есть обязанность лично исполнять известную работу, существовала ранее средних веков и притом в двух формах: собственник требовал от своих держателей барщину в свою пользу, государство налагало барщину на население для поддержки дорог и мостов. Обе формы встречаются и в средние века, но при этом сеньориальные барщины несравненно значительнее государственных.

Держатели обязаны помогать сеньору в обработке его поместья: пахать его поля, обрабатывать его виноградники, жать его хлеб, косить его луга, убирать его хлеб и сено. Обычно эти услуги носят правильный характер: тот, кто подлежит барщине, работает на господина определенное число дней в году; он обязан работать или одними руками, или предоставлять господину свой скот, плуг, повозки. Иногда обычай определяет, что сеньор будет кормить его и даже как будет кормить.

Держатели обязаны для надобностей сеньора перевозить топливо, камень, мебель или провизию, должны исполнять его поручения, должны держать в исправности дороги, поправлять постройки, чистить рвы замка и пруды сеньора, обязаны оказывать ему помощь в случае наводнения или пожара. Они должны помогать сеньору в его войнах, держать в его замке дневной или ночной караул, строить укрепления, копать рвы, делать частоколы; они обязаны даже идти с ним на войну, когда он предпринимает поход по соседству. <...>

## Дворяне и высшее духовенство

**Дворяне; их вооружение.** Во всей Европе в средние века люди, достаточно богатые для того, чтобы не иметь надобности работать, составляют привилегированный класс, строго отделенный от остальной части общества. В этом высшем классе все, исключая духовных лиц, — воины по профессии.

Еще Карл Великий обязал всех свободных людей своей империи носить оружие. Необходимость защищать себя, склонность к праздности и приключениям, предрасположение в пользу воинской жизни привели во всей Европе к образованию военной аристократии. Чтобы привлекать людей на военную службу, не было надобности в высшем авторитете государства. Так как светские люди считали военную жизнь единственным почетным образом жизни, то каждый и стремился к ней; военный класс заключал в себе всех, кто имел достаточно средств, чтобы вступить в него.

**Первым условием для этого была, возможность вооружиться за свой счет.** Между тем, начиная с IX в., сражались исключительно на лошадях. Поэтому средневековый воин назывался во Франции *chevalier*, на юге — *caver*, в Испании — *caballero*, в Германии — *Ritter*; в латинских текстах древнее название солдата, *miles*, сделалось синонимом *рыцаря*.

Во всей Европе война ведется одним и тем же способом, и воины вооружены почти одинаково.

У человека, вполне вооруженного для битвы, у рыцаря, тело защищено доспехами. До конца IX столетия это — броня, туника из кожи или материи, покрытая металлическими бляхами или кольцами; позже броню повсюду вытесняет кольчуга, рубашка из металлических колец с рукавицами и капюшоном и с прорезью сверху, чтобы ее можно было надевать, как рубаху. Вначале кольчуга доходила до ступней; когда ее укоротили до колен, то ноги для защиты стали закрывать чулками из колец; к этим чулкам приделывали шпоры, имевшие форму наконечника копья. Капюшон закрывал затылок и голову и доходил до подбородка, оставляя открытыми только глаза, нос и рот.

Во время битвы рыцарь надевал на голову шлем — стальную шапку конической формы, окруженную ободком и кончавшуюся металлическим или стеклянным шариком; шлем был снабжен железной пластинкой, защищавшей нос и привязывался к кольчуге кожаными ремнями. Только в XIV в. появляются доспехи из металлических пластин и шлем с забралом, удержавшиеся до XVII в., — вооружение Баярда и Генриха IV, которое, однако, часто принимают за обычное вооружение средневекового рыцаря.

Чтобы отражать удары, рыцарь носил щит из дерева и кожи, обитый металлическими полосами и украшенный в середине бляхой из позолоченного железа. Вначале круглый, щит становится потом

продолговатым и удлиняется до того, что закрывает всадника от плеч до пят. Его вешали на шею на широком ремне; во время сражения его надевали на левую руку посредством ручек, находившихся на внутренней стороне. Именно на щитах и стали, начиная с XII в., рисовать герб, признанный той или другой фамилией за свою эмблему.

Наступательным оружием были меч, обычно широкий и короткий, с плоской рукояткой, и копье с длинным и тонким древком из ясеня или граба, кончавшееся железным наконечником в форме ромба. Пониже наконечника прибавляли гвоздями прямоугольную полосу материи (*gonfanon* — знамя), которая развевалась по ветру. Копье можно было воткнуть в землю рукояткой, кончавшейся железным острием.

Одетый и вооруженный таким образом, рыцарь был почти неуязвим, и с течением времени вооружение все более совершенствовалось, делая воина похожим на живую крепость. Но вместе с тем он становится настолько тяжелым, что для битвы ему нужна особая лошадь. Рыцарь имеет при себе двух коней: обыкновенного для езды, и боевого, которого ведет под уздцы слуга. Перед началом сражения рыцарь надевает свои доспехи, садится на боевого коня и устремляется в битву, направив копье вперед.

Только рыцари считались настоящими воинами; рассказы о сражениях говорят нам только о них, и только из них состояли боевые колонны. Но их сопровождали в походах еще другие всадники на менее выносливых лошадях, одетые в тунику и шапку, снабженные более легкими и менее дорогими доспехами, вооруженные небольшим щитом, узким мечом, пикой, топором или луком. Без этих спутников рыцарь не мог обойтись: они вели его боевого коня, несли его щит, помогали ему одевать доспехи в минуту сражения и садиться в седло. Поэтому их обычно называли *valets* (слуги) или *écuyers* (щитоносцы), а по-латыни — *scutifer* (щитоносец) или *armiger* (оруженосец). Долгое время рыцари держали этих оруженосцев в положении подчиненных. В сочиненной в конце XI в. «Песне о Роланде» о них говорится как о низшем классе. Они стригли голову, как слуги, и получали за столом более грубый хлеб. Но мало-помалу братство по оружию сблизило оруженосцев с рыцарями; в XIII в. обе группы составляли уже один класс — высший класс светского общества, и как к тем, так и к другим применяли древнее латинское название благородных (*nobilis*), составлявшее принадлежность к высшему классу.

**Дворянская иерархия.** Чтобы вести жизнь воина, надо было иметь средства жить, не работая. В средние века дворянин — лишь тот, кто получает достаточный доход, чтобы содержать себя. Обычно этот доход обеспечивался землей. Дворянин владеет поместьем, а так как честь не позволяет ему обрабатывать его лично, то он возлагает эту обязанность на своих держателей. Таким образом, дворянин почти всегда эксплуатирует, по крайней мере, несколько крестьянских семейств. По отношению к этим держателям он сеньор (по-латыни *dominus*, отсюда — испанское *don*).

Обладание доходом есть практическое условие для того, чтобы быть дворянином. Но по размерам богатства между дворянами существуют резкие неравенства, на основании которых устанавливается ряд степеней, начиная с оруженосца и заканчивая королем. Современники очень ясно различали эти степени и даже отмечали их особыми именами.

Высшую ступень занимают князья, обладающие титулом (короли, герцоги, маркизы, графы), суверены целых провинций, владельцы сотен деревень, способные приводить на войну несколько тысяч рыцарей.

За ними следуют знатнейшие из дворян, обычно владельцы нескольких деревень, ведущие с собой на войну целый отряд рыцарей. Так как они не имеют официального титула, то их обозначают простонародными названиями, смысл которых не ясен и несколько растяжим; эти названия в разных странах различны, но употребляются как синонимы. Наиболее употребительные из них: *baron* — на западе, в Южной Франции и в нормандских странах, *sire*, или *seigneur*<sup>1</sup> — на востоке (*baron* обозначает мужа, мужчину по преимуществу; *sire* — вождь и господин). В Ломбардии их называют *capitaines*, в Испании — *ricos hombres* (богатые люди). В Германии говорят *Herr*, что соответствует названию *seigneur*, в Англии — *lord*; на латинский эти названия переводятся словом *dominus* (господин). Позднее их называли также *bannerets*<sup>2</sup>, потому что, чтобы собрать своих людей, они прикрепляли к концу своего копья четырехугольное знамя (*bannière*).

Еще ниже стоит вся масса древней знати — рыцари (французский *chevalier*, немецкий *Ritter*, английский *knight*, испанский *caballero*, латинский *miles*), владельцы одного поместья, которое, в зависимости от богатства страны, состоит из целого села или из части его. Почти каждый из них служит какому-нибудь крупному собственнику, от которого он получает поместье; они сопровождают его в походах, что однако не мешает им воевать и на свой риск. Их называют иногда *bacheliers*, в Ломбардии — *vavasseurs*. Встречается и меткое название *miles unius scuti*, что означает — воин об одном щите, то есть рыцарь, не имеющий в своем распоряжении другого воина.

На последней ступени лестницы стоят оруженосцы. Первоначально — простые военные слуги рыцаря, они становятся потом владельцами некоторого количества земли (равного тому, что мы теперь называем крупным поместьем) и в XIII в. живут господами среди своих держателей. В Германии их называют *Edelknecht* (благородный слуга), в Англии — *squire* (испорченное *escuyer* — щитоносец), в Испании — *infanzon*. Они-то в XIII в. будут составлять массу дворянства, и в последующие столетия горожанин, возведенный в дворянство, будет гордиться титулом оруженосца.

<sup>1</sup> *Sire* — именительный падеж, *seigneur* — винительный.

<sup>2</sup> Перешло в английский язык в искаженной форме *baronet*.

Таким образом, можно различать четыре ступени, которые в общих чертах соответствуют современным военным чинам: князья, герцоги и графы — наши генералы, бароны — капитаны, рыцари — солдаты, оруженосцы — прислуга. Но в этой странной армии, состоящей из воюющих друг с другом отрядов, где ранг определяется богатством, совместная жизнь в конце концов настолько смягчает неравенства, что все, от генерала до слуги, начинают чувствовать себя членами одного и того же класса. Тогда дворянство окончательно складывается и тогда же оно окончательно замыкается и изолируется.

В XIII в. привыкают строго различать две категории людей: дворян, или благородных (*gentilshommes*), и недворян, которых во Франции называют *hommes coutumiers* (людьми обычая, *coutume'a*) или *homme de poste* (то есть *potestatis* — подвластными людьми); название *roturier* (разночинец) не употребляется в средние века. Эти категории становятся строго наследственными. Дворянские семьи отказываются вступать в родство с потомками недворянских фамилий. Тот, кто не родился от дворянина, не может сделаться рыцарем, даже если он достаточно богат, чтобы вести жизнь рыцаря; дочь недворянина не может выйти замуж за дворянина; тот, кто женится на ней, вступает в неравный брак и этим обесчещивает себя; дворянские семьи не будут принимать его супругу, и к его детям дворяне не будут относиться, как к равным себе. Эта наследственность, менее строгая в документах предшествующих столетий, становится потом преобладающей чертой общества и господствует вплоть до XVIII в. По мере того, как различия между дворянами сглаживаются, дворянство все более отдаляется от остальной части нации. Прочнее всего дворянский дух утвердился во Франции и Германии. В Испании, и особенно на юге, он слабее, вследствие соприкосновения с богатым населением мавританских городов, в Италии и, может быть, также на юге Франции — из-за могущества купеческого класса. В Англии, где военные привычки рано исчезли, сквайр ничем не отличается от богатого крестьянина; здесь граница устанавливается гораздо выше — между лордами и остальной частью народа; привилегированный класс состоит лишь из высшей аристократии, которая очень малочисленна.

**Рыцарство.** Военное общество, образуемое рыцарями, имеет свои особые обычаи, которым все обязаны подчиняться. Обращаться с оружием рыцаря нелегко; поэтому, прежде чем носить его, надо пройти учение. Носить это оружие есть честь; поэтому прежде, чем возложить его на себя, надо быть объявленным достойным этой чести. Никто не рождается рыцарем: человек становится рыцарем в силу торжественного акта; сам король должен быть произведен в рыцари.

Всякий молодой дворянин начинает с того, что изучает ремесло военного человека: учится ездить верхом, владеть оружием, взбираться по лестнице. Но он может проходить выучку или в доме своего отца (особенно так делают сыновья знатных родителей), или у чужого человека (как, по-

видимому, обычно и поступали). В большинстве случаев отец посылает своего сына к какому-нибудь сеньору богаче себя, который принимает молодого человека на свою службу и кормит его...

Выучка сопровождается службой в качестве оруженосца, а с последней связана служба в качестве комнатного слуги, характерная для рыцарских нравов. Оруженосец помогает своему господину одеваться и раздеваться; он подает блюда и служит за столом; он делает постели. Эти услуги, которые древний человек считал унижительными и возлагал на своих рабов, становятся почетными в глазах средневекового дворянства (они были такими уже в глазах германцев; об этом упоминает Тацит).

В течение этого периода, который продолжается от пяти до семи лет, молодой дворянин, называющийся оруженосцем, или *damoiseau* (маленький господин), не имеет права носить оружие.

Когда он окончил свое учение — обычно между 18 и 20 годами, — если он достаточно богат, чтобы вести жизнь рыцаря, он вступает в рыцарское сословие посредством военного обряда, который описывают рыцарские поэмы.

Молодой человек, выкупавшись в ванне, надевает кольчугу и шлем. Рыцарь, иногда отец посвящаемого, но чаще — кормивший его сеньор, привешивает к его поясу меч, который он с этой минуты будет носить постоянно. Эта главная часть церемонии называется *adouber*. Обычно рыцарь сильно ударяет молодого человека кулаком по затылку; это называется *colée*. Затем новый рыцарь садится на коня, берет копье и на всем скаку поражает заранее приготовленное чучело; это называется *quintaine*. Такова процедура посвящения в рыцари в XII в.

Иногда она ограничивается даже одним актом — ударом по затылку: это делают тогда, когда хотят избежать расходов. Бомануар рассказывает об одном следствии, которое, чтобы считаться действительным, должно было быть произведено определенным числом рыцарей. Так как одного рыцаря не доставало, то некоего дворянина тут же посвятили в рыцари. Один из рыцарей ударил его и сказал: «Будь рыцарем».

Позже духовенство ввело обряды, превратившие рыцарское посвящение в сложную религиозную церемонию. Молодой человек после поста проводил ночь, предшествовавшую посвящению, в молитве; это называлось *veillée d'armes*. Утром он присутствовал при обедне; шпагу клали на алтарь, как бы посвящая ее на служение Богу; священник благословлял ее, говоря: «Услышь, Господи, мои молитвы и благослови твоей всемогущей десницей этот меч, которым хочет препоясаться твой раб (такой-то)». Затем он произносил проповедь, в которой напоминал будущему рыцарю его обязанности по отношению к церкви, бедным и вдовам.

Для церемонии выбирали обычно или дни больших праздников, особенно Пасху и Троицу, или какой-нибудь исключительный случай, вроде бракосочетания или крещения принца, или даже момент сражения. Тогда

сразу посвящали целую толпу новых рыцарей.

Только богатые становились рыцарями. Бедные дворяне избегали издержек на церемонии и расходов рыцарской жизни: они оставались оруженосцами всю жизнь. Таким образом, существовали оруженосцы двух родов: одним недоставало лет, другим — средств, чтобы сделаться рыцарями. В Англии, где кавалерия была бесполезна, дворяне почти совершенно перестали принимать рыцарское посвящение и предпочитали оставаться *сквайрами*.

**Башни, замки и дома.** Дворянин средних веков не только воин: он делает из своего жилища крепость. Уже крупные римские собственники иногда укрепляли свои деревенские дома; но общераспространенным этот обычай становится во Франции, по-видимому, только в X в.

Из старинных укреплений этого времени ни одного не уцелело. Мы знаем их только по очень малочисленным развалинам и по намекам, встречающимся у писателей. По-видимому, эти укрепления строились исключительно из дерева и земли. Вокруг того места, на котором хотели строить, выкапывали широкий и глубокий ров; земля, выброшенная из него внутрь, образовывала искусственный холм; вокруг последнего вбивали четырехугольные брусья и крепко связывали их друг с другом, так что составлялся непрерывный частокол, который часто укрепляли деревянными башнями, на известном расстоянии одна от другой. В этой ограде возводили из дерева постройки, служившие помещениями для прислуги, конюшнями, амбарами и кладовыми. Над ними возвышалась огромная квадратная деревянная башня, которую в случае осады покрывали снаружи только что содранными шкурами животных, чтобы обезопасить ее от пожара: это был *donjon (dominium)*, то есть дом господина. Дверь открывалась несколько выше земли; в нее можно было войти только по дощатой лестнице, которая вела через ров в поле. Так строились башни на севере в X в.

На юге землю и дерево заменяли камнем. По образцу римских укрепленных поселений, здесь строили толстые стены и квадратные башни из камня. Этот обычай господствовал в Европе около XII в. Позже четырехугольные башни и прямые углы были заменены круглыми башнями и округленными углами, более удобными для защиты. Эти сооружения сохранили латинское название *castellum*; на юге они назывались *castel*, на севере *château*, по-английски — *castle*. Их часто называли также *Plessis (palissade)*.

Замок (*château*) состоит из целого ряда укреплений. Он построен на крутом холме, скалистом мысе или искусственном возвышении, так что господствует над окрестностью. Он всегда изолирован — или непрерывным рвом, который, если возможно, наполняют водой, или, по крайней мере, траншеей со стороны горы. На каждом шагу устраивали препятствия. Идя с поля, натыкаешься прежде всего на *barbacane* (изобретенный в XIII столетии), укрепление, находящееся еще вне рва. Затем следует ров, чаще



всего наполненный водой. За рвом возвышается частокол. Позади частокола находится тропинка, идущая вокруг всей внешней стены ограды. Осажденные могут ходить кругом по верху, по дозорной дорожке, проложенной по толще стены. Метательные снаряды они бросают в промежутки между зубцами, называемые *crèneaux* (амбразуры). Они могут даже швырять камни, лить растопленную смолу или кипящее масло сквозь галереи, в которых прорезана щель; эти галереи выходят за амбразуры, так что выдаются вперед дальше основания стены. Эта ограда защищает все строения.

Чтобы пройти в ограду в мирное время, переходят через ров, но уже не по помосту, а по подъемному мосту, который висит на цепях и поднимается, когда надо прекратить сообщение. Затемходишь к массивным воротам, защищенным запором, а позже — железной решеткой, которую достаточно опустить, чтобы преградить доступ внутрь. Пройдя сводчатые ворота, охраняемые привратником, попадаешь наконец в задний двор, окруженный строениями (амбарами, кладовыми, часовней, кухней, службами). В некоторых больших замках этот двор представляет целое селение. Здесь во время войны укрываются окрестные держатели со своим скотом и движимостью.

Главным зданием является, по-прежнему, *donjon*, обратившийся в колоссальную трех- или четырехэтажную башню; к дверям ведет каменное крыльцо. Башня Божанси была 40 метров в высоту и 24 в диаметре, башня Куси — 64 метра и 31 в диаметре. Здесь живет господин; здесь находятся его «большой зал», в котором он принимает приглашенных, его комната, комнаты его семейства, его сокровищница, в подвальном этаже — его тюрьма, темная, сырая, грязная, куда узников спускают по трапу или на веревке, на верхушке башни — помещение для караульного, который наблюдает за окрестностями. В башне сеньор может защищаться даже тогда, когда неприятель уже проник за ограду.

Эти укрепления сделались во всей Европе жилищами сеньоров, так что слово «замок» (*château*) до сих пор сохранило значение роскошного жилища. Но расходы, каких требовала постройка этих массивных сооружений, были по силам только богатому человеку. Поэтому вначале замками обладали только владельцы небольших городов или большого числа деревень, так что в некоторых странах позже называли кастелянством (*châtellenie*) территорию, состоящую из целой группы деревень, зависевших от одного и того же замка. Число замков возрастало с увеличением богатства; но никогда, до самого конца средних веков, оно не было равно числу рыцарей.

Менее богатые дворяне довольствовались крепким домом с толстыми стенами, массивной дверью, иногда защищенной бойницей, с высоко прорезанными окнами. Это — *manoir* (от *manere* — жить), достаточный для отражения внезапного нападения. Дворяне, живущие в городах, — а таких дворян много, особенно в Италии, Испании и на юге Франции, — строят себе

там крепкие дома, похожие на деревенские *manoirs*.

Башни, замки и укрепленные дома имеют толстые и высокие стены, витые лестницы, освещенные бойницами, сырые и полутемные комнаты, куда дневной свет проникает только через узкие отверстия. Это крепости, а не уютные жилища. В них мрачно, особенно в зимние вечера. В хорошую погоду обитатели предпочитают проводить время в саду, что за оградой.

Один ученый, влюбленный в средние века, попытался составить список удовольствий, которыми мог пользоваться сеньор. Их оказывается пятнадцать, а именно: охотиться, ловить рыбу, фехтовать, биться на копьях, играть в шахматы, есть и пить, слушать пение жонглёров, смотреть на бой медведей, принимать гостей, беседовать с дамами, устраивать торжественные собрания вассалов, гулять по лугам, греться, ставить себе банки и пускать кровь, смотреть, как падает снег. Однако эти удовольствия не удерживают дворян дома. При первой возможности они уезжают ко двору короля или князя и не останавливаются даже перед далекими путешествиями. Насколько крестьянин — домосед, настолько же дворянин охоч до переездов. Но они сохраняют связь с землей: это их замок или дом. Они принимают его имя; в XII в. почти все имена дворянских фамилий суть названия поместий (Bouchard de Montmorency, Enquerrand de Coucy<sup>1</sup>).

**Оммаж и феодал.** Читателя, может быть, удивляет, что в этом описании феодального общества до сих пор еще ни разу не упоминалось о феодальных отношениях. Дело в том, что социальный строй средних веков не обуславливал необходимости существования феодализма. В некоторых странах (в Англии до XI в., Польше, Венгрии) строй общества представлял все описанные сейчас черты, нисколько не будучи феодальным, и даже в наиболее феодализованных странах долго существовали не только держатели, но и рыцари, чуждые всяких феодальных отношений.

Действительно, военные люди средних веков не жили особняком друг от друга. Уже в капитуляриях Карла Великого мы встречаем воинов, связанных, вероятно, на всю жизнь с вождем, который ведет их на войну. Вождь уже носит название сеньора, его люди — вассалы (это слово означает, по-видимому, домашних слуг). Эти названия сохраняются в течение всех средних веков.

Сеньором является всегда богатый человек, сановник или крупный собственник. Он вооружает, кормит, содержит, может быть, даже обеспечивает жалованьем отряд рыцарей и оруженосцев, которые служат ему обществом и телохранителями.

Сеньор и его люди живут вместе в одной и той же комнате, вместе

<sup>1</sup> Эти имена имеют при себе, конечно, предлог *de*; отсюда предрассудок, будто «частица», как ее называют (*de* в романских языках, *von* в немецком), есть признак знатности. Это двойная ошибка: даже в XVI в. существуют рыцари, носящие только фамильное имя, и, наоборот, — тысячи недворян, носящих имя по поместью или деревне.

едят, вместе идут в поход. Вассал действительно, слуга: он прислуживает своему сеньору за столом, обязан повиноваться ему и всюду за ним следовать; в сражении он должен дать убить себя, чтобы защитить своего сеньора. Это служебное положение соединяется с чувством товарищества, которое, не уничтожая расстояния между господином и слугой, создает между ними тесную связь взаимной преданности. Символом этой связи является клятва, которую дает вассал, вступая в службу сеньора. <...>

Несомненно, по-видимому, то, что с X в. во Франции устанавливается обычай вознаграждать вассала не деньгами и не натурой, а поместьем, снабженным держателями. Этот вид дарения не нов: это *бенефиции*. «Бенефиций» есть единственное название, употреблявшееся в латинских актах Германии и Италии до конца XI столетия. Во Франции появляется название *fevum* или *feodum* (феод); первые достоверные примеры этого словоупотребления, которые нам известны, относятся к началу X в. <...> С этих пор вассал, вместо того, чтобы оставаться при своем сеньоре, поселяется в полученном им имении, но продолжает быть слугой сеньора. Не доказано, чтобы каждый вассал, даже в XII в., непременно получал феод. По крайней мере, никто не может получить феод иначе, как стать вассалом того, кто дает ему поместье, и почти все вассалы обладают феодами.

Как и во времена Карла Великого, вассал связывается с сеньором посредством торжественного обряда, потому что вассалом не рождаются, а делаются, и потому что им надо сделаться, чтобы получить возможность пользоваться феодом. Вот почему обряд, которым устанавливалась вассальная зависимость, сохранялся в течение целых веков: он служил для засвидетельствования прав сеньора. Старинный церемониал был, по-видимому, почти одинаков во всех странах.

Будущий вассал является к будущему сеньору с обнаженной головой и безоружный. Он опускается перед ним на колени, кладет свои руки в руки сеньора и объявляет, что становится *его человеком*. Сеньор целует его в уста и поднимает на ноги. Такова церемония *оммажа* (*homage*). Она сопровождается присягой: положив руку на мощи или Евангелие, вассал клянется оставаться верным сеньору, то есть исполнять обязанности вассала. Это — присяга в верности (*foi* или *fèauté*). Оммаж и присяга в верности суть два различных акта: один есть обязательство, другой — клятва; но так как нет оммажа без клятвы верности, то их в конце концов стали смешивать.

В награду за это обязательство сеньор предоставляет в пользование вассалу принадлежащий ему феод; обычно это земля; но феодом может быть всякий доходный предмет и всякое доходное право.

Сеньор передает свое право посредством торжественного обряда: он вводит вассала во владение феодом, вручая ему соломинку или палку, или копьё, или перчатку, служащую символом передаваемого предмета. Это *инвеститура* (*investir* значит вводить во владение).

Сеньор уступает не право собственности на феод, а только пользование

последним; легально он остается полным собственником феода. Договор обязывает только тех, кто заключает его, и сохраняет силу, лишь пока они живы. Со смертью вассала феоде возвращается к сеньору; после смерти сеньора вассал может сохранить феоде лишь в том случае, если сызнова обяжется новому сеньору.

Вначале сеньор, по-видимому, пользовался после смерти вассала своим правом брать обратно феоде, чтобы отдать его, кому захочет. Так поступают часто герои рыцарских поэм, и мы встречаем примеры пожизненных феодеов еще в XII в. Но **обычай, по которому сын наследует звание отца, был так силен в средние века, что сеньоры принуждены были предоставлять своим вассалам право завещать их звание сыновьям.** Так установилась наследственность феодеов, или, выражаясь более точно, наследственным сделалось право заключать договор вассальной верности с сеньором феодеа. Сам по себе феоде никогда не становился наследственным, потому что сеньор всегда оставался его законным собственником; контракт пользования всегда был только пожизненным; он должен был возобновляться с каждым поколением вассалов и с каждым поколением сеньоров. Наследственным становится только право возобновлять этот контракт; но на практике это было равносильно наследственности владения. <...>

**Феодалные обязанности.** Феоде не давался даром. Он налагал на вассала обязанности по отношению к сеньору. Эти обязательства вытекали из одного и того же общего начала, которое всегда и везде формулировалось в одинаковых выражениях; изменялись только способы его применения.

Прежде всего вассал обязан совершить клятву верности и оммаж — формальный акт, посредством которого он «признает себя человеком» сеньора и клянется ему в верности. Он обязан сделать это, вступая во владение феодеом, и должен делать это каждый раз, когда его сеньор замещается другим: это называют *возобновлением феодеа*. Если он отказывается совершить обряд, он *отвергает* сеньора и, вследствие этого, теряет свое право на феоде. Он должен заявить сеньору, за какой феоде он становится его человеком; это *объявление феодеа*. Если феоде состоит из нескольких статей, он должен перечислить все. <...>

Возобновляя феоде, вассал принимает на себя отрицательные обязательства пользователя по отношению к настоящему собственнику. Он обязуется (часто особой формулой) *поддерживать* и *обеспечивать* феоде: поддерживать — то есть заботиться, чтобы он не терял своей стоимости, не изменять его положения, не отделять от него частей (это называется «сокращать»); обеспечивать — то есть быть всегда готовым признать право настоящего собственника и защищать феоде против посторонних лиц.

Принося клятву верности, вассал обязуется не причинять вреда сеньору, не покушаться ни на его личность, ни на его имущество, ни на его честь, ни на его семейство. Часто встречаются акты оммажа, в которых вассал клянется уважать «жизнь и члены» сеньора. Эти отрицательные

обязательства были, по-видимому, взаимны. «Сеньор, — говорит Бомануар, обязан своему человеку такой же верностью и преданностью, как человек — своему сеньору». Сеньор и вассал обязаны любить друг друга. Каждый из них воздерживается от какого бы то ни было враждебного поступка по отношению к другому. Поэтому сеньор не должен ни нападать на своего вассала или оскорблять его, ни соблазнять его жену или дочь. Если он сделает это, вассал может порвать связь с сеньором, сохраняя все-таки феод. Этот разрыв обозначается актом, который составляет противоположность инвеституры: вассал бросает соломинку или перчатку; это называется *dèfi* (уничтожение верности).

Положительные обязанности вассала то выражаются одним словом *service* (служба), то разлагаются в формулу, которая появляется с X в.: *aide et conseil* (*auxilium et consilium*, помощь и совет).

Под помощью разумеется, прежде всего, военная помощь: вассал — солдат сеньора; он должен помогать ему в его войнах; именно для этого он получил свой феод. В некоторых формулах вассальной присяги этот пункт оговорен особо; вассал клянется служить сеньору «против всех мужчин и женщин, как живых, так и мертвых».

Это обязательство — вначале, без сомнения, неограниченное (таким оно является еще в рыцарских поэмах), позже, благодаря ограничениям, точно определилось, и в нем стали различать несколько родов службы.

*Ost* и *chevauchée* суть обязательство сопровождать сеньора как в его походах (*ost*), так и в его разъездах по неприятельской стране (*chevauchée*). Эта служба, особенно в XII в., ограничена пространством и временем: вассал следует за сеньором (по крайней мере, за свой счет) только в пределах известной области, часто очень небольшой; он служит ему только в течение известного срока, утвержденного обычаем, — чаще всего 40 дней. *Estage* есть обязанность держать гарнизон в замке сеньора, одному или с семейством. Вассал обязан по требованию сеньора отдавать в его распоряжение свой собственный замок; такой замок называется *jurable et rendable*, и в актах, особенно XIII в., часто постановляется, что вассал обязан отдать его сеньору «спокоен ли тот или разгневан, с большим войском или с малым». Сеньор может поставить в замок гарнизон, но обязан возвратить его в том виде, в каком получил, и не брать из него ничего другого, кроме соломы и сена.

Другой вид помощи, правда второстепенный, состоит в помощи натурой или деньгами, которую вассал обязан оказывать сеньору в определенных случаях. Как правило, вассал, получая инвеституру, дает подарок, установленный обычаем. Часто это предмет, служащий символом вассальных отношений: копье, золотая или серебряная шпора, пара перчаток... Обычно при каждой смене сеньоров, иногда и при каждой смене вассалов, сеньор получает вознаграждение, очень тяжелое на севере Франции (годовой доход) и еще более тяжелое, если новый вассал только побочный

наследник прежнего. Точно так же, в случае продажи вассалом феода, покупатель должен получить согласие сеньора на переход феода и уплатить ему покупную пошлину, доходящую иногда до тройной суммы годового дохода.

Сеньор имеет право требовать от своих вассалов денежной помощи для покрытия некоторых своих исключительных расходов. Этот вид помощи в некоторых странах носит название *aide aux quatre cas* (помощь в четырех случаях). Эти случаи в разных странах не одинаковы; даже их число бывает и больше и меньше четырех. Наиболее обычные: выкуп сеньора, если он попал в плен, его отправление в крестовый поход, выход замуж его дочери, посвящение в рыцари его сына. Субсидию должны платить благородные вассалы; но они не платят ее своими деньгами, а вычитают ее с держателей своего поместья.

Сеньор имеет право требовать от вассала помещения и пищи для себя и своей свиты или охотничьей команды; это есть право постоя, часто заменяемое определенным вознаграждением. В XIII в. это право строго регулировано. Так, владелец Соммиера (в Гиени) обязан, в случае приезда своего сеньора, герцога Аквитанского, приготовить для него и десяти рыцарей обед, состоящий из свиного или коровьего мяса, капусты, жареных цыплят и горчицы; он должен сам прислуживать герцогу в брюках ярко-красного сукна, с золотыми шпорами. Другой вассал должен принимать шестерых из сопровождающих герцога егерей, давать им хлеба, вина, мяса и на другой день отвозить их в лес.

Служба *совета* обязывает вассала помогать сеньору своими советами в затруднительных обстоятельствах; эту службу называют также придворной. Сеньор созывает сразу всех вассалов и собирает их на своем дворе. Обязанность принимать участие в этих собраниях часто ограничена тремя съездами в год, происходящими обычно по большим праздникам — в Пасху, Троицу и Рождество.

Это собрание играет роль почетной свиты на торжествах, которые сеньор устраивает по случаю своего бракосочетания, или бракосочетания своих детей, или посвящения в рыцари своих сыновей; оно удовлетворяет его тщеславию, увеличивая пышность церемонии. Оно служит политическим советом по важным вопросам, касающимся сеньории, — по вопросам о войне, мире, об изменении кутюмов. Оно является судебной инстанцией для разбирательства споров между вассалами сеньора. Сеньор созывает и председательствует в судебном собрании, которое произносит приговор. Участие в судебных съездах — не право, а повинность, которая не приносит никакой выгоды и может вовлечь судью в дуэль с проигравшим дело. Притом, это — строго узаконенная обязанность: ни вассал не может отказаться от участия в судебном съезде, ни сеньор не может отказаться от созыва съезда. Это было бы «нарушением права» (отказ в правосудии), которое разрешило бы вассала от его клятвы верности.

**Женщины и дети в феодальной системе.** Казалось бы, что в феодальном строе не было места ни для женщин, ни для детей, потому что вассальные обязанности мог нести только воин; но сила собственности и наследства одержали верх над логикой. Сеньор был еще более собственником, чем вождем отряда. Ребенок или женщина могли наследовать крупное поместье, розданное в феод вассалам, и таким образом эти вассалы становились людьми нового собственника.

Так как малолетний не мог сам осуществлять свои права, то ближайший родственник с отцовской стороны принимал опеку, то есть владение поместьем. Он пользовался доходами и занимал место сеньора; он носил даже его титул. Вначале в его обязанности входили также охрана и воспитание малолетнего собственника. Но так как наследником ребенка являлся опекун, то, чтобы отнять у него искушение содействовать освобождению наследства, установился обычай поручать охрану ребенка ближайшему родственнику по женской линии, который ничем не был заинтересован в его смерти. Достигнув совершеннолетия (между 14 и 21 годами, в зависимости от страны), молодой человек приказывал посвящать себя в рыцари и затем принимал присягу вассалов.

Дочь — наследница сеньории, если она была совершеннолетняя, пользовалась правами сеньора, вытекавшими из обладания поместьем: вассалы были обязаны ей оммажем и службой. Были примеры, когда женщины лично управляли своей сеньорией, председательствовали в своем феодальном суде и даже сражались. В феодальном языке не было слова для обозначения сеньора-женщины: ее называли латинским словом *dame* (*domina* — госпожа), по-испански *dona*.

Дети и женщины вошли в феодальный строй как наследники сеньоров; они вступали в него также в качестве наследников вассалов. Если вассал умер, оставив малолетних сыновей, то сеньор первоначально имел право отобрать феод и передать его человеку, способному к службе; но, начиная с XI в., он ограничивался тем, что брал феод вместе с опекой над ребенком до его совершеннолетия (это была сеньориальная опека, которая позже была заменена опекой родственников малолетнего). Достигнув совершеннолетия, молодой человек вступал во владение феодом.

Больше затруднений встретило признание права дочерей. Женщина не могла нести службу за феод. Поэтому были страны, где феод не переходил к дочерям; его наследовали сыновья, даже младшие, или более далекие родственники. Но привычка смотреть на дочерей, как на законных наследниц, была настолько сильна, особенно на юге Франции, что, в конце концов, в XI и XII столетиях она распространяется даже и на феоды. Женщины стали получать их в наследство, даже в приданое; они делались вассалами, как могли сделаться сеньорами. От прежней системы, исключавшей наследование женщин, осталась только привилегия в пользу побочных наследников мужского пола.

Для службы за феода женщина должна была представлять сеньору заместителя. Она не имела права выходить замуж без согласия сеньора, и в некоторых странах (Испании, Иерусалиме) сеньор указывал наследнице феода двух или трех рыцарей, между которыми она должна была выбрать себе мужа.

**Духовенство в феодальной системе** сохраняло свою древнюю организацию, основанную на иерархии степеней и безусловном подчинении низших степеней высшим. **Даже во времена величайших смут, в те эпохи, когда «дух века» наиболее глубоко проникал в духовенство, церковь никогда не допускала в свою организацию ни одного феодального начала, никогда низший не вступал в вассальные отношения к высшему и не получал своего места в лен.**

Духовные лица, как и женщины, должны были остаться чужды феодализму, потому что религиозный закон запрещал им носить оружие. А между тем духовенство, по крайней мере высшее, так же, как женщины, вошло в феодальный строй. Вошло потому, что священники приходов, слуги своего епископа или патрона их церкви, и монахи, подчиненные своему аббату, оставались в строгой и бесконтрольной зависимости, похожей на прямую зависимость держателей от сеньора.

Высшее духовенство обладало большими имениями, которые составились из накопившихся в течение веков дарений, потому что во всех христианских странах светские собственники старались снискать расположение какого-нибудь святого, патрона церкви или аббатства, чтобы он заступился за них на небе. Поэтому они приносили в дар и, особенно, завещали святому или его церкви — «для искупления своих грехов» или «ради спасения своей души» — часть своей «земной собственности», иногда несколько участков земли, и даже целые деревни. **Не было епископства, аббатства, капитула каноников или коллегии, которая не сделалась бы таким образом крупным собственником.** Благодаря доходам с этих поместий, епископы, аббаты и каноники занимали положение богатых сеньоров.

Как и светским сеньорам, им нужна была для защиты и почета свита из военных людей; поэтому они раздавали часть церковного поместья в лен и приобретали вассалов, обязанных им оммажем и службой.

Сами *прелаты* (епископы и аббаты) со времени Карла Великого, сравнившись с высшими должностными лицами, были обязаны приносить присягу королю и приводить в войско своих людей. **Этот обычай сохранился в северной части французского королевства и так прочно утвердился в германском королевстве, что прелаты начали смотреть на свой духовный сан, как на феодал, полученный от короля; король утверждал их в церковном звании посредством инвеституры, вручая им знамя, как мирянам.**

Таким образом, прелаты составили высший класс, смешавшийся с высшим феодальным дворянством. Будучи во всех христианских странах безбрачным, духовенство не могло пополняться путем наследования;



поэтому епископом или аббатом могло стать только духовное лицо благородного происхождения. На церковные должности пристраивали также младших членов больших семейств. Многие приносили на свои церковные места привычки детства; они оставались охотниками, пьяницами и воинами, как известный майнцкий архиепископ, который, во избежание пролития крови, сражался дубиной. Вообще, единственное, чего удалось духовенству добиться от этих сыновей воинов, состояло в том, что они не вооружались как рыцари.

Монастырям приходилось защищаться от соседних рыцарей, которых не всегда можно было запугать отлучением от церкви. Многие монастыри заключали условие с каким-нибудь сеньором, который брал на себя их защиту, за что получал право взимать подать с их держателей; его называли защитником (*gardien*) или поверенным (*avouè = advocatus*), по-немецки *Voigt*. Возникновение этого института относится ко временам Каролингов. Обычно поверенный обирал поместье, вместо того, чтобы защищать его; монастырские грамоты полны жалоб на поверенных. <...>

**Министерялы.** Наиболее богатые из сеньоров — короли, князья, прелаты — содержали при себе отряд вооруженных слуг. По-латыни их называли *ministeriales*, слуги, по-немецки — *Dienstmannen* (служители). Но домашняя служба у знатного сеньора была почетным занятием, вследствие чего эти слуги занимали среднее положение между дворянами и народом; дом знатного сеньора представлял собой полное маленькое государство, в котором служба очень походила на общественные должности.

Министерялы были домашними должностными лицами; они управляли частями, на которые делилось домашнее хозяйство. Их было в каждом дворе, по крайней мере, четыре: столом заведовал *dapifer (sènèchal)*, погребом — *buticularius (bouteiller)*, конюшней и фуражом — *comes stabuli (connètable)*, кладовой (платье и провизия) — *camerarius (chambrier)*. В самых богатых домах были и другие высшие служители: старший ловчий, лесничий, главный повар. Кроме того, во дворе находились ремесленники сеньора — портные, сапожники, оружейные мастера, пекари и т. д.; они соединялись по роду работы в цеха, и во главе каждого цеха стоял министерял.

Вместе с тем, министерялы исполняли и должность рыцарей: они составляли свиту своего господина, сопровождали его на войну, охраняли его замки. <...>

**Сложность феодальных отношений.** Первоначально отношения между рыцарями основывались на верности, взаимной преданности сеньора и его людей. Такие отношения могли существовать лишь в примитивном обществе, которое складывалось из обособленных друг от друга групп, состоявших каждая из сеньора и его вассалов. Здесь было необходимо, чтобы каждый был лично предан своему сеньору и служил ему одному. Вассалитет был важнее всего.

Установление наследственности феодалов расстроило эту систему. Верность уступила место договору. Вассал, сделавшись, благодаря феодалу, материально независимым от сеньора, отдалился от него и начал смотреть на феодала, как на существенную часть, а на вассальную службу, как на постороннее бремя, лежащее на феодале, бремя очень тягостное, которое он старался уменьшить, заменяя общую верность специальными услугами. Сделавшись наследственными, феодалы стали переходить к посторонним людям, которые были равнодушны к сеньору и становились его вассалами только для того, чтобы сохранить феодала.

Тогда стали возможны случаи, когда один и тот же дворянин становился вассалом сразу нескольких сеньоров. Однако служить им всем одновременно он не мог, особенно если они вели друг с другом войну. Поэтому пришлось ввести ограничения: принимая феодала, вассал оговаривал свои обязанности по отношению к своим прежним сеньорам; он клялся служить новому сеньору, «сохраняя, однако, верность таким-то» или служить «против всех, исключая таких-то». **Вместо абсолютной преданности появляется лишь условная.** <...>

Феодал скоро потерял характер награды, которую дают верному человеку, чтобы он устроился своим хозяйством. В феодала стали давать не только земли или должности (как министрам), но всякого рода доходные права: повинности, помещичьи монополии, право суда, рынок, десятину и т. п. вплоть до права забирать рои пчел, найденные в лесу. Давали даже денежные пенсии. Все эти предметы и права делили на части: в феодала давали половину поместья, одну комнату в замке, часть ограды, четверть права суда<sup>1</sup>.

Оммаж, сделавшись, вместо безусловной клятвы в верности, простым договором, обратился в обычную процедуру для установления связи между двумя дворянами. Аллодиальный сеньор признавал себя вассалом другого сеньора; он фиктивно уступал ему свое поместье; тот, сделавшись законным собственником, возвращал ему это самое поместье в виде феодала и принимал его к себе в вассалы; это называлось «брать аллод в лен (в феодал)». Этот прием не был нов, но, войдя во всеобщее употребление, он установил между сеньорами целую градацию номинальных зависимостей.

Наоборот, вассал давал часть своего феодала в феодала другим дворянам (например, старший брат — младшим). Таким образом появлялись подвассалы, которые, в свою очередь, также могли иметь вассалов. По букве закона для этих субинфеодаций необходимо было согласие сеньора, потому что они уменьшали ценность его феодала.

Прежние каролингские сановники, герцоги и графы, будучи сами вассалами короля в силу своих должностей, обращенных в феодала,

<sup>1</sup> В Бургундии встречается «треть половины двух частей десятины (церковного сбора) такого-то».

привлекали к себе в вассалы главных сеньоров своей провинции, и таким образом возникла чрезвычайно сложная сеть феодальных связей, начиная от короля и заканчивая оруженосцем, владельцем крошечного феода.

Эта запутанность без сомнения так же стара, как сам феодальный порядок, потому что переуступка феода и оговорка верности встречаются уже в древнейшем документе, в котором употреблено слово «феод», — в подробном акте 954 г., написанном на варварской латыни с примесью каталонских слов: «Я, Раймунд, виконт Серданьи, уступаю вам, Петр Раймунд, виконт Уржельский, и вашей супруге Сивилле, замок Сен-Мартэн и даю вам Эрменгода с феодем, который он держит от замка Сен-Мартэн, и с его рыцарями. Также жалую я вам замки Мираль и Шераль и даю вам Беранже д'Арагалья с феодем, который он держит от виконтства, и с его рыцарями... А за этот дар я, Петр Раймунд, и моя жена Сивилла признаем, что мы ваши верные люди против всех мужчин и женщин, исключая графа Уржельского, что мы из нашего поместья будем помогать вам нашими советами относительно владения, охраны и защиты против всех мужчин и женщин верно и без обмана».

Эту-то сеть феодальных отношений называли феодальной иерархией. Название неточно: оно предполагает, что вся территория занята феодами и вассалами, правильно расположенными по этажам, один выше другого, как в чиновничьей иерархии. <...> Ничего подобного мы не находим ни в одной европейской стране, даже в Англии, где король сделал всех рыцарей своими прямыми вассалами.

В Германии, где оказалось необходимым классифицировать рыцарей, сопровождавших короля в итальянских походах, попытались распределить дворян по категориям, которые называли щитами. Первую категорию составляет один король, вторую — духовные князья, вассалы короля, третью — светские князья, отнесенные в третий разряд потому, что они держат феоды от духовных князей, четвертую — бароны и даже графы, если они вассалы светского князя, пятую — свободные рыцари, вассалы баронов, шестую и последнюю — динстманны. Каждый разряд строго ограничен, никто не может принадлежать одновременно к двум щитам. Дворянин, становясь вассалом равного себе, переходит в низший разряд; князь, став вассалом другого князя, переходит в ранг баронов.

Очевидно, в Германии оммаж более сохранил свое первоначальное значение. Во Франции дворянство не знало этой иерархии. Феодальная связь перестала здесь устанавливать превосходство сеньора над вассалом. В XI в. граф Анжуйский, победив графа Блуаского, отнял у него графство Турэн и заставил своего пленника отдать его себе в лен, вследствие чего сделался его вассалом. Во Франции каждый мог быть сразу и сеньором, и вассалом. Феодальная связь объединяла лишь земли.

## Обычаи и управление

**Собственность, аллод, фео́д, держание.** Самой заметной чертой феодального порядка, заставившей дать ему это имя, является форма землевладения.

До IX в. нормальным видом владения был *аллод*, полная собственность, без всякой подати, с безусловным правом отчуждения. Но с тех пор, как собственники раздали свои земли в виде держаний крестьянам и в виде фео́дов рыцарям, существовало три способа владения: аллод; фео́д, пользование при условии благородной службы; и держание (цензива), пользование при условии уплаты повинностей. На основании обычного права средних веков эти владения сделались наследственными, и появилось три вида наследования. Эти формы владения могут соединяться, подчиняясь одно другому: три различных владельца владеют одной и той же землей как цензивой, фео́дом и аллодом, не считая наследственного приказчика, который также имеет непреложные права. В этом смысле выражения «аллод», «фео́д», «цензива», не точны, следовало бы говорить: владение «в виде аллода», «в виде фео́да», «в виде цензивы».

Но положение владельца, в конце концов, прикрепилось к его участку, так что всякая земля получила неизменное качество, которое переходит на всякого нового владельца. Теперь эти земли называются уже цензивами, фео́дами, аллодами, а так как фео́дом может владеть только дворянин, то стали различать дворянские и недворянские земли. Недворянскую землю составляют держания крестьян; дворянская земля — это запасная часть, эксплуатируемая благородным владельцем фео́да или аллода. <...>

Аллод может быть обращен собственником в фео́д; фео́д уже нельзя сделать аллодом. Поэтому аллоды встречаются все реже и реже. Наконец, в XIII в., особенно на севере Франции, они становятся так редки, что на аллод смотрят как на исключительный и неправдоподобный вид владения. Его называют иногда *franc alleu* (свободный аллод), и говорят, что он никому ничем не повинен и зависит только от Бога; но в его существование верят только тогда, когда представляют формальные доказательства, потому что каждый уверен, что всякая земля есть или фео́д, или держание: «Nulle terre sans seigneur» (Нет земли без сеньора). Английские юристы говорят, что существует только один собственник — король. <...>

**Войны и турниры.** Каждый дворянин — воин. Если он не связан специальным договором, то имеет право воевать с кем хочет. Поэтому в клятвах верности обе стороны обязуются уважать «жизнь и члены» друг друга. Война (которую мы неточно называем «частной войной») есть общее право. Редко, когда считают долгом, прежде чем начать войну, формально объявить ее.

Войну объявляют, посылая своему врагу какой-нибудь символ, обычно

перчатку: это знак того, что узы верности порваны. Иногда довольствуются угрозой или даже прямо начинают неприятельские действия. В войну вовлекаются, в силу закона, фамилии обоих противников, так как **родственники обязаны помогать друг другу до седьмого колена**. В XIII в. Бомануар задается вопросом, возможна ли война между двумя братьями; нет, отвечает он, — если они братья по отцу и по матери, потому что оба они принадлежат к одному и тому же роду; да — если они имеют лишь одного общего родителя, потому что тогда за каждого будет стоять его семья. Те, у кого есть вассалы, ссылают их на службу, и война начинается.

Феодалные войны чрезвычайно однообразны. Конные воины делают набеги на поместья врага, угоняют стада, срубают деревья, жгут хлеб на поле, поджигают деревни, насильничают над крестьянами и иногда избивают их. Цель войны — овладеть замками и захватить самих противников, и этого стараются достигнуть или хитростью, или правильными действиями — сражениями и осадой. Для осады употребляют древние машины, усовершенствованные на Востоке. Сражение есть стычка двух масс рыцарей, бросающихся друг на друга крупной рысью; стараются, главным образом, выбить противника из седла и повалить его на землю; оруженосец, стоящий позади воина, подбегает, чтобы схватить сброшенного с коня противника и овладеть его лошастью. Пленников лишают оружия и увозят, обычно привязанными к лошади. Победитель держит их в своем замке, часто скованными или даже запертыми в подземной тюрьме, пока они не выкупят себя за условленную сумму. Точно так же выкупали и замки.

Война была развлечением и доходным занятием. Опасность была не так велика, как кажется. **Ордрик Виталий, рассказывая о Бремюльском сражении (1119), прибавляет: «Я слышал, что из 900 сражавшихся рыцарей были убиты только трое; действительно, они были с головы до ног закованы в железо и... щадили друг друга, старались не столько убивать, сколько забирать в плен».**

За недостатком войн, рыцари устраивали **турниры**. Они выстраивались на гладком месте двумя отрядами и вступали — иногда с обыкновенным оружием — в сражение, столь же опасное, как и настоящие битвы: на турнире в Нейссе (близ Кельна) в 1240 г. пало 60 рыцарей. На турнирах также брали противников в плен и заставляли их выкупать себя.

Выкупы представляли настолько доходное дело, что рыцари и даже сеньоры простирали свои интересы за пределы военного класса, — на купцов, горожан, даже духовных лиц. Они захватывали их на дорогах, сажали в тюрьму и мучили их, чтобы получить выкуп. Немцы называли этих авантюристов *Raubritter* (рыцари-разбойники).

**Божий мир и Божье перемирие; королевский мир.** Этот военный режим нравился только рыцарям; на остальном населении он отзывался очень тяжело. А так как война была общим правом, то, чтобы прекратить ее, нужен был специальный акт — мир, и, чтобы водворить мир, необходима

была власть, которая могла бы заставить уважать его.

В конце X в. церковь сделала попытку водворить мир, отбирая у рыцарей обязательство прекратить войну. Попытка началась на юге Франции рядом провинциальных соборов. Сначала имелось в виду только покровительство беззащитным людям — крестьянам, монахам, церковнослужителям: кто нападал на них, подлежал отлучению от церкви. Это был *Божий мир*.

Собор в Тулузе (1041) пошел дальше. Он постановил, что все войны должны прекращаться на время праздников и воскресенья, на Филипповский и Великий пост и на вторую половину каждой недели. Это было *Божье перемирие*. Оно было утверждено и распространено на все христианские страны Клермонским собором (1095), на котором был объявлен первый крестовый поход. Соблюдение этого перемирия обеспечило бы 240 дней мира в году. Однако данными о том, что оно соблюдалось в точности, мы не располагаем.

Чтобы привести в исполнение постановления соборов, в XI в. для каждой епархии (по крайней мере, в одной части Франции), учредили общество мира под управлением епископа. Оно имело свою казну, свой суд и даже свою «армию мира», состоявшую, главным образом, из прихожан, организованных в виде милиций и предводимых священниками. Несмотря на то, что ученые много занимались изучением всех этих учреждений, мы в конце XII в. только с большим трудом можем отыскать некоторые их следы.

В странах, где государь обладает достаточной силой, он объявляет мир и всякому, кто нарушит его, угрожает большим штрафом или даже смертью. В Нормандии господствует «мир герцога», и тот же режим нормандские герцоги вводят в Англии и королевстве обеих Сицилии. Граф Барселоны водворяет свой мир в Каталонии, граф Фландрский — во Фландрии. В Германии многие императоры объявляют *королевский мир* (называемый также «миром страны»); Фридрих Барбаросса издает особый акт — «письмо мира»; но все эти попытки терпят крушение, сталкиваясь с все более и более укореняющимися привычками, и война становится в Германии общим правом. Что касается короля Франции, то он слишком слаб, чтобы установить мир даже только в пределах своего поместья. Сам Филипп Красивый ограничился тем, что запретил войны и турниры на время своих войн. Таким образом, состояние мира в средние века — это исключительное положение.

**Суд.** Феодалное общество не знало суда, равного для всех. Суд, как и мир, не общее право: в средние века суд — привилегия. Для каждого класса существует особое правосудие и специальные суды. Духовное лицо подсудно церковным судам, горожанин — городскому трибуналу. Свободные люди должны были бы являться в областной суд, где председательствует граф; но эти съезды прекратились во Франции в X в.; в Германии, где они сохранились до XIII столетия, круг их деятельности все более и более

суживается. Общественные суды замещаются частными: держатель судится в сеньориальном, то есть домашнем суде, под председательством управителя, благородный вассал — в феодальном суде, состоящем из его пэров (равных ему).

Однако обычное право выработало некоторые формы, общие для всех светских судов. Начало, на котором основывается средневековое судопроизводство, противоположно принципу римского права, продолжающему действовать в церковных судах. Римский суд производился единолично судьей во имя общества и в его интересах: судья должен был преследовать преступления и арестовывать тех, на кого падало подозрение; прежде, чем произнести приговор, он должен был выяснить все обстоятельства дела, собирая справки, особенно письменные доказательства.

Средневековый суд производился целой группой лиц — «судом», состоящим из жителей страны (в феодальном суде судьями являются пэры — люди, по рангу равные сторонам); роль председателя сводится к тому, что он руководит судом и произносит приговор.

Суд действует не в интересах общества: он оказывает услугу сторонам; поэтому истец должен обратиться к нему. Даже вопрос о существовании преступления суд рассматривает лишь по просьбе потерпевшего или его родственников, и уголовный процесс носит характер тяжбы между обвинителем и обвиняемым. С обоими обращаются одинаково, обоих сажают в одинаковые тюрьмы и оба подвергаются одному и тому же наказанию, потому что между обвиняемым и обвинителем нет разницы. <...>

Суду нет дела до выяснения существа тяжбы, до расследования истинной истории преступления: он решает исключительно на основании тех доказательств, которые представляют ему стороны; он обязан судить не в соответствии с разумом и справедливостью, а согласно формам, установленным обычаем. Это суд формальный, строго правильный, как игра: судьи только следят за соблюдением правил, судят об ударе и объявляют, за кем победа. Судопроизводство состоит из нескольких сакраментальных действий, сопровождаемых установленными словами и следующими одно за другим, как сцены драмы. Истец (или обвинитель) просит назначить день для суда. В назначенный день истец излагает свою жалобу и подтверждает ее клятвой. Ответчик тотчас отвечает, повторяя клятву слово за словом, и приносит присягу. Свидетели клянутся в свою очередь. Затем следует вызов, потом поединок и наконец приговор. Достаточно одного слова или движения, противного правилам, чтобы тяжущийся был осужден. В Лилле тот, кто во время присяги шевельнет рукой, лежащей на Евангелии, теряет дело. Особенной осторожности требуют слова, которыми начинается судопроизводство, потому что они решают, на какой почве будет развиваться процесс. Отсюда происходит пословица: «Раз слово вылетело, его нельзя

призвать назад»<sup>1</sup>.

В уголовном процессе клятва двух свидетелей влечет за собой осуждение обвиняемого. Обвиняемый может дать первому свидетелю принести присягу, но в ту минуту, когда второй опускается на колени и протягивает руку для клятвы, он должен объявить, что отвергает его как лжесвидетеля и клятвopреступника.

Процесс может быть решен посредством доказательств, присяги, поединка или Божьего суда. Доказательство есть древняя римская форма, клятва — варварская. Обычаи Барселонского графства различают их очень точно: «Доказательством служат или показания свидетелей, или письменные акты, или доводы разума, или суждения. Присяга не есть доказательство, но, за неимением доказательства, ее дают ответчику или истцу, тому, кого судья считает более правдивым и кто обнаруживает больший страх перед клятвой».

Доказательство требует внимания со стороны судей; с другой стороны, дворяне считают оскорбительным для себя допускать обсуждение своих показаний. Поэтому суд обычно предпочитает предоставлять решение Божьему суду (*ордалии*) или *дуэли*.

**Ордалия** есть древний варварский институт, принятый церковью. Этот способ применяют к сторонам, которые не могут сражаться, — особенно к женщинам, иногда и к крестьянам. Многие испытания, применявшиеся в IX в. (испытание водой, крестом, куском хлеба), позже вышли из употребления. В XI и XII столетиях обычный прием — испытание огнем, имевшее две формы: ответчик погружал руку в котел с кипятком, или брал в руку кусок раскаленного докрасна железа. Это железо называлось *juice* (от *judicium*, судебное решение). Руку завязывали и открывали через несколько дней; если она не была повреждена, то испытываемый выигрывал дело. Церковь, которая урегулировала Божий суд, впоследствии уничтожила его (на соборе 1215 г.).

**Дуэль.** Для мужчин, по крайней мере для всех дворян, нормальным исходом процесса является дуэль, суд поединком. Ответчик (или обвиняемый) вместо того, чтобы оправдываться, вызывает истца или его свидетеля. Тяжба превращается в войну: роль суда ограничивается уже только тем, что он определяет условия битвы и объявляет ее результат.

Сражение, как и все судопроизводство, состоит из ряда sacramентальных действий: вызов посредством вручения залога битвы, выбор дня, определение «бранного поля» (обычно 125 шагов), присяга, объявление поединка, сражение, признание побежденного. Выбор оружия определен до мельчайших подробностей: в рыцарских судах это — доспехи, щит и меч, в недворянских судах — щит и дубина.

Дуэль — излюбленный прием средневекового общества. Ее применяют

<sup>1</sup> Строгость этой процедуры смягчают, позволяя тяжущемуся спрашивать советов и оставлять за собой право *исправлять* свои слова.



к крестьянам и в некоторых поместьях разрешают, как привилегию, рабам. Даже женщины и немощные могут выставлять за себя бойца (*champion*).

К дуэли прибегают не только в случае преступления, но и в тяжбах о собственности или наследстве. Ее применяли даже для разрешения вопросов права. В Германии в X в. Оттон I заставил биться двух бойцов, чтобы решить, исключает ли сын своих внучатых племянников из наследства. В XIII в. Альфонс Кастильский прибегает к дуэли, чтобы решить, следует ли ему ввести в своем королевстве римское право.

В дворянских судах дуэль является даже средством для уничтожения приговора. В принципе средневековый суд не знает апелляции: всякий приговор неотменим; но проигравший может объявить приговор ложным, вызывая тех, кто произнес его. Если он победит в этом сражении, приговор отменяется. Точно так же дуэль служит и для отвода свидетеля.

**Признание, наказание.** Все это формальное судопроизводство применяется к сомнительным случаям, когда ответчик отрицает проступок, в котором его обвиняют; осуждение достигается лишь с большим трудом и значительным риском для обвинителя и его свидетелей. Наоборот, когда преступник захвачен на месте преступления, суд короток: свидетельства схвативших его достаточно для его осуждения; краток суд и тогда, когда преступник признается в своем преступлении, в особенности если это чужой или бродяга. Поэтому для судьи — большой соблазн довести преступника до признания путем пытки. Таким образом «допрос» становится в конце XV в. всеобщим обычаем.

Наказание строго определено обычаем, по крайней мере в недворянских судах. Убийцу обезглавливают, вора вешают, душегубца сажают на кол и потом вешают. Женщин вместо того, чтобы вешать, зарывают живыми в землю. Если преступник умер, то казнят его труп, если бежал — его изображение. С самоубийцей поступают, как с убийцей самого себя. Животное, которое убило человека, вешают или зарывают живым.

**Кутюм.** Средневековое общество не знает никакого другого правила, кроме кутюма (обычая). Оно плохо усваивает закон, установленный законодательной властью. В тех редких случаях, когда государь чувствовал необходимость изменить обычай, он делал это лишь после того, как созывал всю знать страны и спрашивал ее совета.

В разных странах кутюмы различны. «Во всем королевстве, — говорит Бомануар, — нельзя было бы найти двух кастелянств, где во всех случаях применялись бы одни и те же кутюмы».

Они различны для дворян, горожан, духовных и крестьян; и это еще больше заставляет уважать кутюм, потому что он составляет частную собственность (привилегию) каждого класса. Он не изложен на бумаге: он основывается на прецедентах, сохраняющихся в памяти живых. Когда его хотят определить, то производят следствие и каждый излагает то, что на его памяти делали в аналогичных случаях. Для средневекового человека

справедливое — то, что всегда делалось, — «добрый обычай»; несправедливое — новшество (*nouvelle*). Каждое поколение старается подражать предыдущему и прогрессирует только по незнанию или необходимости. Последствием этого уважения ко всему, что установлено, является наследственность, которая в средние века простирается не только на собственность, но и на всякое приобретенное положение: сын естественно занимает место своего отца.

**Рыцарская мораль.** Нравы феодального рыцарства вносят в это общество, которое кутюм сделал неподвижным, беспрестанную смуту. Рыцарская мораль основывается на началах, расходящихся с кутюмом и противоречащих друг другу. Феодальная (вернее — вассальная) мораль предписывает рыцарю соблюдать клятву верности своим товарищам, своему сеньору и вассалу. Законом по преимуществу является верность; лоялен (*loyal, legalis*) тот, кто сохраняет верность; лояльность есть верность своему слову; честный человек — вместе и верен, и храбр. Между людьми, связанными верностью, не должно быть ссор; так и понимается дело в *Chansons de gestes* (например, в «Renaud de Montauban», где герой, будучи вынужден сражаться со своим сеньором, старается не причинить ему вреда, или в «Raoul de Cambrai», где Бернье остается верен своему сеньору Раулю, который поступил с ним дурно). По строгой логике, если возникает несогласие между вассалом и его сеньором или даже между вассалами одного и того же сеньора, они должны передать дело на решение сеньориального суда, составленного из пэров вассала; так говорят и теоретики феодального права, составившие Иерусалимские ассизы. Во имя верности вассал может заклинать сеньора оказать ему правосудие; сеньор может требовать своего человека к себе на суд. Творить суд сеньор предоставляет своим людям; он должен быть «уравновешенным весами для исполнения того, что решил суд». Таким образом, всякий дворянин может получить суд равных себе и обязан подчиняться их приговору.

Но, с другой стороны, идеал рыцаря — сильный и смелый воин, Карл Великий псевдотюрпиновской хроники, который «одним ударом меча разрубает воина на коне и в доспехах, от макушки донизу вместе с лошады», который «без труда разгибает зараз четыре подковы», «поднимает до головы рыцаря в доспехах, стоящего на его руке», «съедает за обедом четверть барана, или двух кур, или гуся». Такой человек никогда не отступает и никого не боится. Поэтому он и дорожит своей репутацией: «Лучше умереть, чем быть названным трусом».

И чтобы не заслужить имени труса, рыцарь способен на всякое насилие. Его правило жизни — честь (слово новое, не знакомое древним), чувство, состоящее из гордости и тщеславия, руководящее дворянством Европы до конца XVIII столетия. Честь обязывает рыцаря не допускать ничего, что, по его мнению, кем-либо в мире может быть понято как отступление. На практике это чувство обращается в обязанность драться со

всяким, кто оспаривает у него какое-нибудь право, на которое он претендует. Таким образом, честь сталкивается с верностью, и феодальная мораль не разрешает этого противоречия. <...>

**Феодальные государства.** Феодальный порядок не устанавливал между жителями одной и той же страны ни одного из тех отношений, которые кажутся нам необходимыми для образования государства. Тогда не было ни государственного налога, ни государственной военной службы, ни государственных судов, а исключительно частные повинности, частная военная служба, частные суды (суд собственника, суд сеньора).

Общим правом была безусловная независимость всякого собственника, достаточно богатого для того, чтобы содержать себя самого и своих людей; а с тех пор, как вассальная связь ослабла, феодальный сеньор сделался таким же сувереном, как и владелец аллода. В этом смысле говорили в XIII в.: «Всякий барон — суверен в своей баронии», и вот почему Франсуа Гизо определяет феодальный порядок, как «смещение собственности с самодержавием». Точнее было бы сказать, что собственность становится на место самодержавия, которое вышло из употребления. Сеньория есть государство в миниатюре, со своим собственным войском, своим кутюмом, своим *ban* (приказ сеньора), своим судом, своей виселицей; люди, населяющие его, называют тех, которые живут за его пределами, — *forains* (чужеземцы).

Во Франции, особенно в X в., таких самостоятельных государств было больше, чем в какой-либо другой стране. Их число не установлено, но оно без сомнения превышало 10 тысяч. Меньше была раздроблена Испания, где христиане оставались сгруппированными вокруг своих военных вождей; еще меньше — Германия, где король сохранил некоторую силу: здесь продолжало господствовать правило, что *ban* (право уголовного суда) не должен переходить в третьи руки, то есть ниже вассалов короля. Но по мере того, как общество приобретало оседлость и становилось более цивилизованным, обособленность уменьшалась, и начали складываться, даже во Франции, настоящие феодальные государства.

В каждой области был один сеньор, более могущественный, чем остальные, обычно потомок каролингского должностного лица, почти всегда облеченный должностным званием, обратившимся в титул (герцог или граф), но иногда лишенный всякого титула. Он был первым лицом страны; он унаследовал или приобрел огромные поместья, которые давали ему княжеский доход и делали его господином нескольких тысяч держателей; почти вся территория находилась от него в феодальной зависимости, потому что остальные сеньоры рано или поздно признавали себя его вассалами; таким образом, почти все дворяне округа были его вассалами.

К этим правам собственника и сеньора присоединялись права, не стоявшие в связи с феодализмом, — господство над древними городами, доставлявшее ему доход и милицию, покровительство церкви, и часто

государственные права (регалия, чеканка монеты, подать с евреев, рек, кладов). Его двор был объединяющим центром всей страны: там давались рыцарские празднества, там находился высший суд, который в некоторых провинциях обратился в парламент, там была отчетная палата, сделавшаяся Счётной камерой, там происходило собрание нотаблей, превратившееся в Генеральные штаты.

Размеры этих территорий были очень различны, смотря по географическим условиям и могуществу главного сеньора. Они не были утверждены и беспрестанно изменялись, увеличиваясь путем завоеваний, браков и наследств, уменьшаясь благодаря дележам. Некоторые из этих территорий исчезли (герцогство Гасконское, графство Вермандуа), другие возникали (Артуа). В общем они скорее увеличивались. Главные сеньоры в конце концов (около XII в.) установили, чтобы их поместье, как и титул, впредь не делилось между детьми и целиком переходило к старшему. С этих пор образование феодальных государств может считаться почти законченным и границы провинций — упроченными.

В странах Европы этот процесс происходит различным образом.

Во Франции, где дробление в X в. достигло крайних пределов, образование феодальных государств начинается в XI в. и заканчивается в XII в.; их около сорока. Лишь немногие принадлежат епископам; в большей части господствуют светские князья; они называют себя сначала герцогами или графами, а позже (в XII в.) прибавляют к этому титулу имя своей области (герцог Бургундский, граф Анжуйский, граф Прованский). Так сложились провинции. Каждая из них остается независимым государством, пока французский король не присоединяет ее к своим владениям, становясь на место герцога или графа.

В Англии, где король сохранил непосредственную власть над всем королевством, феодальных государств не было.

В Испании, где древнее христианское королевство было уничтожено мусульманами, главы христианских областей поступали так, как поступил в конце IX в. князь Наваррский, о котором говорится в одной хронике: «Восстал король в Пампелуне». Каждый из них принимал титул короля, и поэтому численность соответствовала численности королевств, провинций.

В Италии и Германии дробление, благодаря противодействию императорской власти, совершилось позже. Феодальные государства образовались только в XIII в., и в более разнообразных формах, нежели во Франции: в Италии — благодаря папству, сицилийским норманнам и могуществу городов, в Германии — потому, что часть земель принадлежала духовным князьям и среди светских князей дольше держался обычай делить поместье между всеми сыновьями.

Но во всех странах феодальные государства, раз сложившись, деятельно способствовали разрушению того, что еще оставалось от феодального порядка.